

Нильсен против Соединенного Королевства
[Nilsen v. United Kingdom] (№ 36882/05)
Решение от 9 марта 2010 г. [вынесено IV Секцией]

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Заявителем по делу выступает осужденный серийный убийца, отбывающий пожизненное лишение свободы. После своего осуждения он в течение четырех лет писал в тюрьме автобиографию, которая содержала подробные описания убийств и насилия, расчленения тел и избавления от них. К тому времени журналист уже опубликовал книгу об убийствах, содержащую графические описания преступлений. Заявитель организовал передачу собственной 400-страничной рукописи из тюрьмы без ведома тюремной администрации, но, хотя были изготовлены копии, шаги для публикации не предпринимались. Через несколько лет его адвокат направил копию рукописи в тюрьму, поскольку заявитель желал переработать ее с целью публикации. Однако тюремная служба отказалась передавать ее заявителю на том основании, что это противоречило бы правилам внутреннего распорядка, которые запрещали передачу материалов, предназначенных для публикации, которые содержали информацию о преступлениях заключенного¹. По ее мнению, рукопись могла причинить серьезные страдания выжившим потерпевшим и семьям потерпевших, а также вызвать оправданное возмущение общественности. Ходатайство заявителя о разрешении обжаловать в суд данное решение было отклонено постановлением Высокого суда, которое было оставлено без изменения Апелляционным судом.

ВОПРОСЫ ПРАВА

По поводу соблюдения статьи 10 Конвенции. Отказ вернуть рукопись, чтобы позволить заявителю доработать ее в тюрьме с целью публикации, представлял собой вмешательство в его право на свободу выражения мнения, предусмотренное

¹ Параграф 34(9) правил внутреннего распорядка № 5В. Параграф 34(9)(с), однако, предусматривает возможность исключения из данного правила, если материалы содержат «серьезные заявления об осуждении или наказании или составляют часть серьезного комментария о преступлении, отправлении правосудия или системе исполнения наказаний...».

законом и преследовавшее законную цель охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц.

Что касается вопроса о том, было ли вмешательство необходимо в демократическом обществе, Европейский Суд отмечает, во-первых, что применимые положения национального законодательства сами по себе не были несоразмерны. Определенный контроль содержания информации, которой заключенный обменивается с внешним миром, является частью обычных и обоснованных требований лишения свободы и, в принципе, не является несовместимым со статьей 10 Конвенции. Параграф 34 правил внутреннего распорядка не содержал безоговорочного ограничения, но позволял конструктивную передачу информации заключенными об их преступлениях в форме «серьезных заявлений об осуждении или наказании или... серьезного комментария о преступлении, отправлении правосудия или системе исполнения наказаний». Это недвусмысленно требовало соблюдения Конвенции и, в частности, сопоставления конкурирующих интересов, что было исполнено национальными судами. Что касается применения этих положений, преступления заявителя описывались Высоким судом как «настолько жестокие и извращенные, насколько можно себе представить». Воздействие на родственников и выживших потерпевших было важным, если не ключевым, фактором, который вызывал озабоченность национальных властей. То, что лицо, совершившее такие преступления, стремилось опубликовать в целях личного удовлетворения собственное описание убийств и расчленения своих жертв, представляло собой оскорбление человеческого достоинства, одной из основополагающих ценностей, лежащих в основе Конвенции. Что касается возмущения общественности, имелось реальное и существенное различие между лицом, совершившим жестокое, извращенное и тяжкое преступление, публикующим собственное подробное автобиографическое описание таких преступлений, и третьим лицом, которое пишет о преступлениях и преступнике. Европейский Суд также отклонил довод заявителя о том, что ограничение было бесполезным, поскольку экземпляры рукописи уже были общедоступны, и книга о его преступлениях была опубликована в 1985 году. Заявитель явно не желал опубликовать рукопись в первоначальном виде, но стремился получить ее назад с целью переработки и публикации измененной версии, которая, очевидно, не была общедоступна. Что касается опубликованной книги, Европейский Суд уже отметил, что имелось существенное различие между подробным автобиографическим описанием преступлений и работой

третьего лица. Наконец, предположение о том, что заявитель намеревался переработать рукопись, чтобы привести ее в соответствие с правилами внутреннего распорядка, было несостоятельно в отсутствие каких-либо указаний в отношении того, каким образом объемная автобиографическая рукопись могла быть освобождена от вредоносных материалов и комментариев и переработана в серьезную работу о системе уголовного правосудия. Таким образом, вмешательство отвечало настоятельной общественной потребности и было соразмерно преследуемым законным целям.

РЕШЕНИЕ

Жалоба признана неприемлемой (жалоба признана явно необоснованной).